

The background of the cover is a photograph of a dark, two-story house at night. The house is split vertically by a thin, dark vertical line. On the left side, a window is illuminated from within, showing a warm yellow light and a faint silhouette of a person. On the right side, the house is mostly in shadow, with a dark door and a window above it. The sky is a dark, cloudy blue.

THE
FANTASY
NATHAN REED

NARRIUM STORIES

Nathan Reed

The Fantasy

«Автор»

2026

Reed N.

The Fantasy / N. Reed — «Автор», 2026

Элиас Рид умеет читать людей. Почти двадцать лет он работает литературным редактором и привык видеть за словами то, что другие пропускают. Незаконченные мысли, скрытые мотивы, пробелы между фактами. Его работа — делать истории связными. Когда работа приводит его в городской архив, он знакомится с Кларой Моррис. Ничего особенного не происходит. Несколько разговоров. Несколько случайных деталей. Несколько фактов, которые сами по себе ничего не значат. Но постепенно из этих фактов начинает складываться человек. Или версия человека. Чем больше Элиас уверен, что понимает Клару, тем убедительнее становится история, которую он рассказывает себе о ней. История настолько логичная, последовательная и правдоподобная, что однажды возникает вопрос, которого он никогда раньше не задавал: что, если он всё это придумал? «The Fantasy» — психологический роман о том, как легко принять интерпретацию за реальность, а собственную версию другого человека — за самого человека.

© Reed N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Запрос	5
Акт I — Материал	5
2. Следы	8
Акт I — Материал	8
3. Пробелы	11
Акт I — Материал	11
4. Версия	13
Акт I — Материал	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Nathan Reed, Narrium Stories

The Fantasy

1. Запрос

Акт I — Материал

Рукопись пришла в пятницу вечером, когда Элиас уже собирался уходить. Он мог бы оставить её до понедельника — и в другой раз так бы и сделал. Но файл назывался «Финальная версия_4», и одно это говорило о многом.

Авторы, которые называют файлы «финальная версия», редко заканчивают на четвёртой. Он снял пальто, вернулся за стол и открыл документ.

Роман был исторический — Ленинград, конец восьмидесятых. Автор — некий Борис Крамер, сорок один год, второй договор с издательством, первая книга вышла три года назад умеренным тиражом и была, по мнению Элиаса, крепкой, но осторожной. Теперь Крамер явно пытался взять масштаб. Элиас читал первые двадцать страниц, не торопясь, не делая пометок — просто слушал текст, как слушают музыканта перед тем, как решить, что именно в нём не так.

Проза была хорошей. По-настоящему хорошей — не в том смысле, что грамотно выстроенной, а в том, что за ней стоял человек, которому есть что сказать. Крамер знал эпоху: детали были точными, воздух — правильным, интонация не скатывалась ни в ностальгию, ни в обвинение. Элиас отметил это мысленно и продолжил читать.

На тридцать пятой странице он понял, в чём проблема.

Не ошибка. Не слабость. Страх.

Главный герой — следователь, который расследует дело о пропаже архивных документов, — к середине второй части начинал медленно, почти незаметно, терять резкость. Не характер, не голос. Именно резкость — готовность додумывать мысль до конца. Сцены становились длиннее там, где должны были сжиматься. Диалоги уходили в сторону за несколько реплик до ключевой точки. Крамер раз за разом подводил читателя к краю — и аккуратно разворачивал назад.

Элиас пролистал вперёд. Третья часть была самой объёмной. Он проверил соотношение: пятьдесят четыре тысячи слов из ста двенадцати приходилось на последнюю треть книги. Это был не творческий выбор. Это была паника.

Он взял телефон и позвонил Крамеру. Было четверть девятого вечера.

— Да, — ответил автор после третьего гудка. Голос напряжённый, как у человека, который ждал звонка и одновременно надеялся, что его не будет.

— Борис, это Элиас Рид. Я прочитал первые шестьдесят страниц.

— И?

Элиас помолчал секунду — не потому что не знал, что сказать, а потому что хотел сказать это точно.

— Ваш следователь знает, чем закончится дело. Он знает с двадцать третьей страницы. Именно поэтому третья часть такая длинная.

Тишина на другом конце была ответом сама по себе.

— Я не говорю, что это плохо, — продолжил Элиас. — Я говорю, что это видно. Читатель пока не понимает что именно, но чувствует: что-то держит текст от финала. И начинает торопить страницы.

— Мне казалось, нужно подготовить... — начал Крамер.

— Нет. Вам казалось, что если герой узнает правду позже, вам будет легче её написать. Но он уже знает. Вы просто не разрешаете ему об этом думать.

Долгая пауза.

— Да, — сказал Крамер наконец. — Да, вы правы.

Элиас не стал говорить ничего утешительного. Это было бы лишним — автор и без того всё понял. Они договорились поговорить подробнее в среду, он повесил трубку и некоторое время сидел в тишине, глядя на тёмный экран телефона.

За окном шёл мелкий дождь. Октябрь в этом году затянулся.

Архивный запрос возник из той же рукописи.

В третьей части Крамер использовал несколько документов — официальные письма горкома, внутренние распоряжения, протоколы заседаний. Большинство выглядели правдоподобно, но один — датированный мартом восемьдесят девятого — содержал формулировку, которой в советской бюрократической переписке того периода просто не существовало. Слишком прямая. Слишком современная. Крамер, очевидно, написал его по памяти, а память, как обычно, сгладила неудобные углы.

Это была небольшая неточность. Большинство читателей её не заметят. Но в историческом романе небольшие неточности имеют свойство накапливаться и в какой-то момент разрушать доверие — не к одной сцене, а ко всей книге сразу. Элиас предпочитал устранять их заранее.

Городской архив находился в пятнадцати минутах пешком. Он позвонил туда утром в понедельник, уточнил, есть ли в фондах документы соответствующего периода, и получил утвердительный ответ. Ему объяснили, что для работы с материалами нужно оформить читательский пропуск и подать письменный запрос на конкретные фонды. Стандартная процедура.

Элиас записал адрес, которого и без того не забывал — он проходил мимо этого здания раза три в неделю, — и в следующий вторник, после встречи с Крамером, пошёл туда впервые.

Архив располагался в бывшем административном здании постройки начала шестидесятых: фасад из тёмного кирпича, узкие окна, тяжёлая дверь с латунной ручкой, которую явно не меняли с момента открытия. Внутри пахло так, как пахнут места, где бумага хранится дольше, чем живут люди: сухо, немного пыльно, с едва уловимым привкусом чего-то металлического.

Элиас остановился у стойки регистрации.

Женщина за стойкой что-то вносила в журнал. Она подняла голову, когда он подошёл, — без улыбки, но и без той профессиональной настороженности, с которой некоторые учреждения встречают незнакомых людей. Просто ровный взгляд человека, который делает свою работу и ждёт, чтобы ему объяснили, что именно нужно.

— Добрый день. Я звонил в пятницу. Элиас Рид, литературный редактор. Я хотел бы оформить пропуск и подать запрос на фонды восемьдесят седьмого — девяностого годов.

— Документ, удостоверяющий личность.

Он протянул паспорт. Она сверила данные, выписала временный пропуск, объяснила, где находится читальный зал и как заполнять бланки запросов. Голос у неё был ровный, без интонационных украшений — не холодный, а просто точный. Она говорила ровно столько, сколько нужно, и не добавляла ничего лишнего.

— На оформление постоянного пропуска потребуется три рабочих дня, — сказала она, возвращая паспорт. — Материалы по вашему запросу будут готовы к следующему визиту. Приходите в четверг или в пятницу.

— Спасибо.

Он убрал паспорт в карман и уже повернулся к лестнице, ведущей в читальный зал, когда заметил краем зрения, что на краю её стола лежит книга. Закрытая, с закладкой ближе к середине. Он не рассмотрел названия — только корешок, тёмно-синий, без тиснения.

Читальный зал оказался на втором этаже: несколько столов под хорошим светом, деревянные стулья, запах тот же, что внизу, но плотнее. Элиас заполнил бланки, сдал запрос дежурному сотруднику и провёл в зале около часа — не с архивными материалами, которые ещё не были готовы, а просто перечитывая нужные страницы рукописи Крамера, отмечая, какие документы требуют проверки.

Уходя, он снова прошёл мимо стойки регистрации. Женщина разговаривала по телефону, не глядя в его сторону. На столе по-прежнему лежала книга — теперь он заметил, что закладка сдвинулась. Значит, успела прочитать несколько страниц в перерыве между посетителями.

Он вышел на улицу. Дождь к этому времени прекратился, асфальт блестел под фонарями. Элиас шёл домой и думал о рукописи Крамера — о том, в каком именно месте третьей части следователь должен наконец позволить себе знать то, что знает. Это была задача с понятным решением. Нужно было только найти правильную сцену и не дать автору снова от неё уйти.

Про архив он не думал. Не было причин.

2. Следы

Акт I — Материал

Архив открывался в девять тридцать. Элиас обнаружил себя у тяжёлой двери в девять четырнадцать.

Он постоял несколько секунд, потом отошёл к парапету через дорогу и открыл заметки в телефоне. Нужно было перечитать список документов, которые запросил на прошлой неделе. Ему предстояло работать с тремя фондами, и он хотел начать с самого объёмного, пока голова свежая.

Это была разумная причина прийти пораньше. Он почти сразу перестал о ней думать и занялся списком.

Пропуск был готов, как и обещали. На этот раз за стойкой дежурил мужчина лет пятидесяти с усталым лицом человека, который давно научился не торопиться. Он нашёл пропуск Элиаса в нижнем ящике, выдал его без комментариев и кивнул в сторону лестницы.

Папки ждали в читальном зале.

Их оказалось восемь — значительно больше, чем Элиас рассчитывал. Первый фонд содержал материалы районного исполкома с восемьдесят шестого по девяносто первый год: протоколы заседаний, внутреннюю переписку, приказы о назначениях, отчёты о выполнении плановых показателей. Бумага местами пожелтела, машинописный шрифт выцвел на отдельных страницах до едва читаемого, но документы были в порядке — разложены по датам, пронумерованы, снабжены описями.

Элиас работал методично. Ему нужен был конкретный март восемьдесят девятого: протоколы заседаний и входящая корреспонденция за первый квартал. В романе Крамера именно на эти месяцы приходился ключевой эпизод с пропавшими документами.

Он нашёл нужную папку через двадцать минут и начал листать.

Советская бюрократическая проза была особым жанром. Элиас читал достаточно исторических рукописей, чтобы знать её законы: пассивный залог как способ избежать субъекта, безликие конструкции вместо глаголов действия, многоуровневые согласования там, где достаточно было одного росчерка. Документы этого периода были написаны языком, из которого намеренно выдавили автора.

Но авторы всё равно просачивались.

На сорок третьем листе папки Элиас остановился.

Протокол заседания от семнадцатого марта восемьдесят девятого года. Повестка из четырёх пунктов: итоги квартала, план работ на апрель, кадровые вопросы, разное. Стандартный документ, каких в папке было ещё несколько десятков. Но в разделе «Разное» среди трёх коротких абзацев один привлёк его внимание.

Речь шла о судьбе нескольких архивных единиц, переданных на временное хранение в другое учреждение. Формулировка была правильная — именно такая, какой она должна была быть по инструкции. За исключением одного слова.

Вместо «изъяты на временное хранение» составитель написал «переданы на сохранение».

Разница была небольшой. Почти незаметной.

«Изъять» — это административный акт. Субъект действия — учреждение. «Передать на сохранение» — это жест. За ним стоит человек, который беспокоится о том, что с документами что-то может случиться.

Элиас перечитал абзац дважды. Потом нашёл в той же папке другие протоколы, составленные той же машинисткой в тот же период, — судя по шрифту и полям, это был один человек. Все остальные документы использовали правильную терминологию. Только в марте семьдесят девятого появлялась эта формулировка.

Он записал в блокнот: «17.03.89 — "переданы на сохранение". Проверить, кто подписывал протоколы в этот период. Возможно, замена составителя или редактора».

Потом подумал ещё секунду и дописал: «Либо составитель знал, что документы не вернут».

Это, разумеется, было за пределами его задачи. Крамеру не нужна была эта история — ему нужна была только правильная формулировка для письма в романе. Элиас отметил страницу и продолжил листать.

Но деталь осталась.

Он работал около двух часов. За это время в читальном зале появились ещё двое: пожилой мужчина с ноутбуком и очень молодая женщина, которая фотографировала страницы документов на телефон с методичностью человека, которому нужно сдать большой объём материала в короткий срок. Элиас почти не обращал на них внимания.

Незадолго до полудня он сложил папки в стопку, заполнил журнал возврата и спустился вниз.

У стойки регистрации сменился дежурный. Женщина из прошлого визита — та самая, с пропуском — теперь разбирала корреспонденцию на другом конце стойки. Она подняла взгляд, когда Элиас подошёл сдавать папки, и он на секунду ожидал какого-то знака узнавания — он всё-таки уже был здесь дважды. Но она просто взяла папки, сверила номера с его запросом и вернулась к корреспонденции.

Профессиональная вежливость, не более.

Элиас отметил её внимание к деталям — она проверила номера аккуратно, без спешки, не перепутала порядок — и счёл это хорошим знаком: если потребуются запрашивать дополнительные материалы, с таким сотрудником это будет проще. Люди, которые аккуратны в мелочах, как правило, надёжнее в крупном.

Это был профессиональный вывод. Вполне обоснованный.

На улице он позвонил своему научному консультанту — историку, с которым работал уже несколько лет на крупных исторических проектах. Тот взял трубку после первого гудка.

— Формулировка «переданы на сохранение» в протоколе районного исполкома марта семьдесят девятого, — сказал Элиас без предисловий. — Это может быть случайная замена или она что-то значила?

Короткая пауза.

— В каком контексте?

— Архивные единицы. Переданы в другое учреждение.

— «На сохранение» неофициально. «На временное хранение» — официально. Если в протоколе стоит «на сохранение», либо составитель не знал инструкции, что маловероятно для опытного делопроизводителя, либо документ составлялся в спешке, либо кто-то хотел подчеркнуть именно физическую сохранность, а не административный статус.

— Почему физическую сохранность?

— Семьдесят девятый — не самый спокойный год. Люди начинали беспокоиться о вещах, о которых раньше не думали. — Историк помолчал. — Это для Крамера?

— Да. Мне нужно было проверить, возможна ли такая формулировка в реальном документе.

— Возможна. Даже характерна для того периода, если понимать контекст.

Элиас поблагодарил его и убрал телефон. Значит, деталь была реальной — не ошибкой составителя, а следом конкретного человеческого состояния, зафиксированным в бюрократическом тексте вопреки всей его конструкции.

Именно это его и интересовало в архивной работе. Не информация. Следы.

Документы создаются для того, чтобы скрыть субъекта. Но субъект всегда остаётся — в выборе слова, в отклонении от шаблона, в паузе, которую невозможно увидеть, но можно почувствовать по тому, как меняется ритм предложения.

Он шёл к метро и думал о Крамере. О том, что следователь в его романе должен уметь именно это — читать не текст, а человека за текстом. Тогда финал станет неизбежным, а не объяснённым.

Это была хорошая рабочая мысль. Он записал её в заметки.

Дома он обнаружил, что фотография из архивного протокола — та, которую он сделал на телефон для проверки формулировки, — получилась смазанной. Угол был неудачным, и последние три строки абзаца нечитаемы.

Значит, нужно было возвращаться.

Он открыл ноутбук, нашёл сайт архива и посмотрел часы работы. Завтра была среда. Среда подходила.

Он закрыл вкладку и занялся рукописью Крамера.

3. Пробелы

Акт I — Материал

Рукопись пришла в понедельник утром с пометкой «не финал, смотри конец». Автор — Светлана Ерёмина, дебютный роман, восемь месяцев работы. Элиас знал её по трём встречам и одному телефонному разговору: человек дисциплинированный, немного осторожный, с хорошим слухом на диалог и привычкой недооценивать собственные решения.

Рукопись заканчивалась на восьмидесятой странице из предполагаемых ста десяти. Последний абзац обрывался посередине сцены: героиня стояла в дверях чужой квартиры, рука на ручке, за дверью — разговор, который она три года откладывала. Дальше шла строка: «здесь я пока остановилась, но примерно понимаю, что будет дальше. Хотела бы знать ваше мнение о направлении».

Элиас дочитал до этого места, отложил рукопись и некоторое время смотрел в окно.

Он понимал, что будет дальше. Не в смысле «вот один из возможных вариантов» — в смысле единственного логичного продолжения, которое диктовал характер героини, выстроенный на протяжении семидесяти девяти страниц. Ерёмина строила её как человека, который откладывает не из трусости, а из точности: она ждёт момента, когда слова совпадут с тем, что она чувствует, а не просто заполняют паузу. Такой человек войдёт в дверь. Скажет не то, что готовила. Скажет то, что думает — впервые за три года, именно потому что больше нет смысла готовиться.

И разговор получится не таким, каким она его себе представляла. Лучше или хуже — это уже вопрос финала. Но другим.

Элиас сделал пометку в блокноте и написал Ерёминой короткое письмо: он готов встретиться в конце недели, рукопись хорошая, направление верное, есть несколько вопросов по второй части. Про финал не написал ничего — подождёт, пока она пришлёт продолжение.

В среду он вернулся в архив.

Нужный протокол нашёлся быстро — папка была та же, страница та же. На этот раз он сфотографировал с хорошим освещением, проверил снимок, убедился, что все строки читаемы. Заодно просмотрел несколько соседних документов за тот же период — мартовские протоколы, входящие письма, два распоряжения. Один из документов уточнял кое-что в хронологии, которую использовал Крамер, и это было полезно.

Работы оказалось меньше, чем он рассчитывал. К одиннадцати он уже складывал папки.

— Вы нашли то, что искали?

Он поднял взгляд. Женщина из регистратуры — он уже знал, что её зовут Клара Моррис, это было на именной табличке у стойки — стояла у соседнего стеллажа с папкой под мышкой. Судя по всему, пришла поставить материалы на место и просто спросила — не из профессиональной обязанности, скорее как спрашивают, когда человек рядом и молчать было бы странно.

— Да. Один протокол нужно было переснять.

— Освещение в зале с утра лучше, — сказала она. — После двенадцати солнце уходит на другую сторону.

Элиас кивнул. Это было полезное замечание.

— Я заметил. Учту на следующий раз.

Она поставила папку на полку, сверила номер на корешке с описью в руке. Движения точные, без лишних жестов — она явно хорошо знала, где что стоит.

— Вы работаете с материалами восьмидесяти девятого года, — сказала она, не спрашивая. — Если понадобятся смежные фонды по тому же периоду, некоторые из них сейчас на

оцифровке. Я могу проверить, что уже доступно в базе, — иногда это быстрее, чем заказывать физически.

— Это было бы удобно. Спасибо.

В этот момент у неё в кармане завибрировал телефон. Она посмотрела на экран — секунда, не больше.

— Извините. — Она уже разворачивалась к выходу из зала. — Если составите список, что именно нужно проверить, я посмотрю до конца дня.

И ушла.

Элиас собрал вещи, сдал папки дежурному и вышел на улицу.

День был пасмурный, но без дождя. Он шёл к метро и думал о том, что оцифрованные фонды — это действительно хорошая идея: часть материалов за конец восьмидесятых могла быть занесена в базу данных, и тогда можно было бы работать дистанционно, не приходя каждый раз лично. Нужно было составить конкретный список запросов и написать ей — то есть в архив, оставить запрос на имя сотрудника.

Разговор получился коротким, но точным. Она сразу поняла, что ему нужно, предложила решение, которое он сам не рассматривал. Это было ценно — не каждый сотрудник учреждения думал об удобстве исследователя, большинство работало строго в рамках процедуры.

Значит, она привыкла иметь дело с людьми, которые знают, чего хотят, но не всегда знают, как это получить проще. Скорее всего, с ней часто работают историки или архивисты из других учреждений — люди с конкретными задачами и ограниченным временем. Она научилась предугадывать следующий вопрос.

Профессиональная интуиция. Полезное качество.

Он спустился в метро и открыл заметки, чтобы набросать список документов для запроса. В пятницу пришло письмо от Ерёминой.

Она дописала финал — восемнадцать страниц, прислала без предисловий. Элиас открыл файл сразу, как увидел уведомление.

Героиня вошла в дверь. Сказала не то, что готовила. Разговор получился не таким, каким она его представляла.

Элиас дочитал до конца, закрыл файл и некоторое время сидел неподвижно.

Он угадал не событие — событие как раз повернулось иначе, чем он предполагал. Но мотивацию — точно. Именно ту внутреннюю логику, по которой героиня вошла в дверь и сказала то, что сказала, — Ерёмина выстроила в точности так, как он читал её на протяжении восьмидесяти страниц. Человек, который ждёт совпадения слов и чувств. Она дождалась.

Это был хороший финал. Не тот, который Элиас додумал, — лучше. Ерёмина сделала выбор, который он не предсказал, но который был абсолютно неизбежен, как только он его увидел.

Он написал ей: «Прочитал. Финал верный. Встречаемся в четверг».

Потом открыл новый документ и начал составлять список архивных запросов по оцифрованным фондам. Клара Моррис сказала, что посмотрит до конца дня — значит, имело смысл отправить запрос сегодня, пока рабочий день ещё не закончился. Логично было уточнить и период, и конкретные типы документов: распоряжения, входящая корреспонденция, возможно, личные дела сотрудников, если они были оцифрованы.

Он напечатал запрос, перечитал, добавил уточнение по датам и отправил на общий адрес архива с пометкой «для К. Моррис».

За окном начинался вечер. Элиас заварил чай и вернулся к рукописи Крамера.

4. Версия

Акт I — Материал

Ответ пришёл на следующий день. Три абзаца, список из семи позиций, ссылки на конкретные фонды в базе данных с пометками об уровне доступа. Один из фондов оказался именно тем, который Элиас планировал запрашивать физически на следующей неделе.

Он открыл базу, нашёл нужные записи, скачал два документа. Оба были полезны — один закрывал вопрос по хронологии, который висел с прошлой недели.

Элиас написал короткое письмо с благодарностью: материалы получены, один из фондов решил проблему, которая задерживала работу. Отправил и вернулся к рукописи.

Примерно через час, в паузе между правками, поймал себя на том, что думает об этом ответе.

Не о содержании — содержание он уже использовал. О самом факте: она прислала список в тот же день, хотя он отправил запрос после четырёх. Значит, либо проверила почту перед уходом, либо сделала это уже вечером. Оба варианта говорили об одном: человек, который не оставляет открытые вопросы за собой.

Он снова вспомнил разговор в читальном зале. Она предложила проверить оцифрованные фонды до того, как он успел об этом подумать. Не потому что это входило в её обязанности — стандартная процедура предполагала запросы через общую форму. Просто увидела более короткий путь и указала на него.

Такое поведение было характерно для определённого типа людей. Тех, для кого информация — не товар, которым управляют, а ресурс, которым делятся, если это решает задачу. Элиас встречал таких редко — в основном среди хороших редакторов и хороших врачей. Людей, для которых помочь быстро важнее, чем помочь по процедуре.

Это было наблюдение, не вывод. Он не строил никаких заключений — просто фиксировал, как фиксировал формулировку в мартовском протоколе или паузу Крамера на другом конце телефона. Некоторые детали просто оседали.

В четверг он пришёл в архив снова — на этот раз с конкретной задачей: ему нужны были личные дела двух чиновников, упомянутых в протоколах, которые он изучал раньше. Один из них подписывал документы того самого периода, и Крамер хотел знать, продолжал ли этот человек работать в учреждении после девяносто первого года.

Клара Моррис была на месте. Она приняла запрос, уточнила один номер фонда, который Элиас записал с ошибкой, и сказала, что материалы будут готовы через двадцать минут.

Он сел у окна с блокнотом.

Через несколько минут в зал вошёл пожилой мужчина с большой папкой под мышкой — из тех, кто бывает здесь часто: он кивнул дежурному сотруднику как знакомому, сразу прошёл к нужному стеллажу. Клара подняла взгляд, когда он появился, но ничего не сказала. Мужчина устроился за дальним столом и открыл папку.

Элиас наблюдал за этим краем зрения и думал о Крамере — о том, что сцена в финале третьей части должна была быть короче. Длина сцены сейчас компенсировала слабость отдельных реплик, а это неправильное решение: когда диалог не работает, его надо переписывать, а не растягивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.